

З.М. Кобозева*

П.С. КАБЫТОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Успех – единственный непростительный грех
по отношению к своему близкому

Ф. Раневская

аш мир делится на людей, которые готовы прожить свою жизнь рутинно и находить в этом определённую прелесть и на мятежников, которые создают, нарушают установленные обычаи, находятся в постоянном движении. Те вторые, которым претит покой, могут всё проиграть, или быть «проглоченными» большинством, а могут стать победителями, которым сопутствует успех. Тогда им всё простится: неугомонность, креативность, любой их выходке аудитория будет рукоплескать... Успех! Улыбка ль это небес или каждодневный упорный труд?...

Ответ на этот вопрос знает профессор, П.С.Кабытов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета. Но пусть это будет его секретом..

Пётр Серафимович – лидер. Это лидерство проявляется не только в его месте в университетской иерархии. Он воспитал научную школу. И обладает такими двумя замечательными качествами как научное предвидение и способность выработать стратегическую линию, направленную на достижение успеха, будь то индивидуальный успех, будущее кафедры или судьба своего ученика. Мне трудно говорить за других. Поделюсь некоторыми сюжетами из собственной судьбы, связанными с Петром Серафимовичем.

В 1988 году, когда отечественная историческая наука только начинала свой мучительный поворот от марксистско-ленинской методологии (под сенью которой так уютно было существовать!) к плюрализму и свободе в исследовательских практиках, в мировоззрении, да и вообще в текстах поведения и в пластическом образе исследователя новой формации (от советского дресскода к своеобразности образа), Петр Серафимович мне, студентке 2 курса исторического факультета, совершенно гармонично себя ощущавшей в эпицентре истории КПСС, генезисов феодализма и этапах закрепощения крестьян, предложил отправиться в Москву в музей революции 1905 года, в котором проходила выставка, посвящённая Н.Бухарину («Возвращённые имена»), прочитать Горького «Клима Самгина» и заняться изучением истории русской интеллигенции, вовлечённой в революцию. На выставку я поехала, интеллигенцией заниматься не стала, «Клима Самгина» читать не стала – но Петр Серафимович настаивал. Он умеет принять тот факт, когда тема не совпадает с личностью исследователя. И во

* © Кобозева З.М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

внешнем образе Петр Серафимович сам всегда оставался приверженцем строгого делового стиля, он не облачился в замшевые пиджаки, вельветовые джинсы, не уселся, читая лекцию на парту, не выступал перед студентами, засунув руки в карманы брюк (а нам, студентам, слушавшим Агузарову, «Наутилус» и ДДТ очень нравились именно такие «новые» преподаватели, вернее у нас такой был только один, но он эмигрировал в Америку). Но Петр Серафимович, сам занимаясь крестьянством, осознал, что эра крестьянского детерминизма закончилась. То есть этому доминирующему социальному слою, из которого инкорпорирована была большая часть исследователей истфака – «кузницы» партийных и комсомольских кадров, ещё предстояла долгая научная судьба, но Петр Серафимович фактически первым обратил свои взоры на высшее российское благородное сословие, предвосхитив «бум», связанный не только с данной темой, но и с поисками дворянских корней. Сейчас вся эта «аристократическая» истерия, поразившая постперестроечное общество выглядит уже более чем смешно (дворянские общества, предводители, съезды, попытки приобщить себя к 70 лет как почившей системе ценностей), но тогда, в 80-е годы дать своим ученикам такую тему (О.Курсеева, Е.Кабытова, З.Кобозева) было, не скажу что смело, а свежо, интересно. И неважно, что не у всех получилось продолжить эту тему, важно, что Петр Серафимович предоставил возможность «попробовать на вкус» новый исследовательский дискурс. Опять-таки, на несколько лет раньше до всеобщего «грантовского бума», Петр Серафимович предложил кафедре пойти на научное сотрудничество с американскими историками – русистами. До этого момента историки, занимавшиеся отечественной дореволюционной историей, (по крайней мере в Самаре), спокойно обходились без знания достижений зарубежной историографии в этой области, без знания языка, необходимого для знакомства с непереваемой литературой и без знания методологических достижений зарубежных коллег. Для меня, не приобщённой к таинству закулисья, остаётся загадкой как у Петра Серафимовича созрел данный проект. Но в один прекрасный день, он отправил нас с О.Б.Леонтьевой в трёхмесячную стажировку в Мерилендский университет США. Ольга Борисовна занималась, так же с подачи Петра Серафимовича, интеллектуальной историей России (это до сих пор чрезвычайно перспективная тема, которой увлечена не только российская историческая школа («Российское общество интеллектуальной истории»), но и мировая историческая общественность), мне же предложено было написать курс по генезису тоталитаризма. Я «взбрыкнула». Сказала, что буду заниматься дворянством. Петр Серафимович не настаивал. И только недавно, разбирая свои бумаги и натолкнувшись на записи по «тоталитаризму» я поняла, какая мне предлагалась перспективная тема. И, к слову сказать, в Америке моё «дворянство» оказалось совершенно неинтересно для коллег из Мерилендского университета. Кто-то мне объяснил, что когда-то лидер американской историографии Кеннон (описанный в «Воскресенье» Л.Н.Толстого), вернувшись из России, выступал перед студентами в кандалах и, обвиняя во всём царский режим, параллельно клеймил

русское дворянство. Петр Серафимович как всегда оказался прав. Но из Америки я, помимо спецкурса по общественному самосознанию дворянства, привезла увлечение семиотическими методами исследования. В этом вопросе взаимоотношения с научным руководителем оказались «болезненными»: Петр Серафимович отказывался серьезно относиться к данной области знания, применительно к историческому исследованию, а один из коллег заметил, что надо быть Лотманом, чтобы заниматься подобными проблемами. По большому счёту они были правы. Сегодня, когда практически ни одно выступление не проходит без ссылок на Лотмана, Фуко и др., я понимаю, что навыки структуралистского анализа даются не каждому, что это своего рода «высший пилотаж» интеллектуального творчества, и кроме того, стала подозревать, что за структурой исчезает «маленький человек», так называемый актер исторического процесса, предоставить право голоса которому можно только работая в архивах и не занимаясь интеллектуальными построениями на основе уже вовлечённого в научный оборот материала. Но тогда я для себя решила, что Петр Серафимович меня не понимает, не хочет понять и моё место только в семье, среди детей и я родила, вместо научных достижений, своего второго ребёнка. Родила на месяц раньше положенного срока. И первый, кто меня навещил в больнице, была супруга Петра Серафимовича, Надежда Николаевна. А когда мне казалось, что я совершенно оторвана от окружающего мира в пелёнках и кормлениях, ко мне в гости пришли Петр Серафимович и Надежда Николаевна, подарили мне подарок от кафедры в честь рождения сына. Не знаю как это объяснить, но когда я бессонными ночами качала на руках орущего Тимофея, я всё время смотрела на открытку от кафедры, подписанную «П.Кабытов», и мне становилось как-то веселее, я знала, что я приобщена, помимо семьи, ещё и к так называемой «кафедральной семье», в лоне которой очень здорово, интересно и как-то надёжно.

Некая патриархальность в отношении кафедры, свойственная Петру Серафимовичу, помогает пережить самые различные повороты и перипетии государственной истории. На сегодняшний день, когда в условиях демографической ямы сократилось число абитуриентов, когда меняется сама система высшей школы, когда в оппозиции «физиков и лириков» государственный крен происходит не в нашу пользу, Петр Серафимович занимает своё место во главе кафедрального стола и предлагает очередной проект, направленный не на выход из кризиса, не на практики «выживания», а очередной блистательный план научной деятельности. Доказательством того, что креативность присутствует в научном руководстве кафедрой является тот факт, что всегда много желающих студентов специализироваться по кафедре российской истории. Мне кажется, что очень важно не только внутренне принять новое видение истории, но и суметь «защитить» эту позицию, довести её до степени официального признания в науке так, как это делает Петр Серафимович.

Издание сборника «Американская русистика» – безусловно, его личное достижение, в первую очередь как организатора и вдохновителя этого про-

дуктивного проекта 90-х гг. по научному сотрудничеству с американскими русистами. К нам на международную конференцию приезжали такие изумительные историки: византист Д.Маджеска, лидер школы молодых историков-русистов М.Д.Фокс. Позднее по этим каналам приехала в Самару работать в архивах Ш.Фицпатрик. Недавно перед защитой докторской коллега из другого города, зашедших на нашу кафедру попить чай, я услышала в их разговоре интонации в рассказе о знакомстве с Ш.Фицпатрик, с сакральным оттенком (ох уж эта неизбывная тяга приобщаться и поклоняться авторитетам!). Подумала, что контакты с этой очаровательной женщиной, которая в моей квартире до глубокой ночи играла на фортепиано русские романсы так, что соседи стучали по трубам, состоялись на нашей кафедре давно, благодаря Петру Серафимовичу.

На сегодняшний день, с точки зрения Петра Серафимовича, я созрела до уровня докторанта. Тему опять -таки мне предложил Петр Серафимович. Тема сложная, исходя из её макрообъёма. Мне не приходит в голову отказаться. Потому, что Петр Серафимович как будто провоцирует меня, испытывает на прочность. В определённой степени опекая, даёт мудрые советы, «не подставляться», забираясь в дебри многочисленных новых исследовательских методик. Но я всё равно туда заберусь. А потом пойму, что Петр Серафимович был снова прав..

... Сижу в архиве с делами по бесчисленным прошениям мещан предоставить им право на дворовое место. Скучновато. Но что-то внутри запрещает пропустить хотя бы одно из таких практически идентичных дел. И вдруг я вспомнила, что работать в архиве меня приучил и научил Петр Серафимович. На третьем курсе он отвёл нас, вместе с нынешним великим защитником интересов народа М.Матвеевым в архив, показал как работать. На пятом курсе напутствовал меня для работы в столичных архивах. На одной из конференций я шокировала Великую даму от истории сообщением о том, что историк идёт в архив как на рыбалку, повезёт или не повезёт, с каким-то азартом. Если честно, уж не знаю, почему это её так изумило. Но заслуга моего научного руководителя, Петра Серафимовича, в том, что он научил любить профессию.

Дорогой Пётр Серафимович! Я подозреваю, что Вы на самом деле не разделяете мой оппортунизм во взглядах на научное исследование, манеру публичных выступлений, образ мысли и стиль одежды. Но самый Ваш главный талант в том, что Вы оправдываете Инаковость. Что Вы умеете быть лидером не «хора», что Вы умеете быть терпимым, что Вам сопутствует успех, которым Вы щедро делитесь с кафедрой. С Днём рождения!